

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:930(470.11-25)"16"

Частная переписка архангельских воевод XVII века

Новохатко О.В.¹

Аннотация. На материале частной переписки архангельских воевод XVII в. с их родственниками, знакомыми и управляющим персоналом исследование выявляет некоторые технические характеристики и функции частной корреспонденции в России Раннего Нового времени как социального явления. При отсутствии других средств связи в России XVII в. переписка являлась по-существу единственным видом опосредованной коммуникации (за исключением устных посланий, переданных через курьеров). Содержание писем показывает, что личная корреспонденция являлась не только средством поддержать отношения того или иного круга, но и была действенным инструментом социального и экономического содействия, помогая решать различные житейские проблемы, от сочувствия в несчастье до возможности взять займы деньги, приобрести продукты или товары, помочь с хозяйством, с устройством на службу и т.п. Фактически частная корреспонденция была одной из форм существования социума в России Раннего Нового времени.

Ключевые слова: История XVII века, социальные коммуникации, информационные потоки, частная переписка, патронат, экономия обмена.

Private correspondence of the Arkhangelsk Governors of the XVII century

Novokhatko O.V.¹

Abstract. On the material of private correspondence of Arkhangelsk Governors of the XVII century with their relatives, friends and executives, the study shows some technical characteristics and functions of the private correspondence of the Early modern period as a social phenomenon. In the absence of other means of communication in Russia of the XVII century, correspondence was basically the only form of mediated communication (except oral messages transmitted through couriers). The content of the letters shows that correspondence was not only a tool to maintain the relationship of the certain circle of people, but was an effective tool for social and economic assistance, helping to solve various problems, from sympathy in misfortune to the ability to borrow money, to buy food or goods, to help with the economy, to find a service, etc. In fact, private correspondence was one of the forms of a society's existence in Russia of Early modern time.

Keywords: History of the XVII century, social communication, information flows, private correspondence, patronage, economy exchange.

¹*Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036, г. Москва, Российская федерация.*

Novokhatko Ol'ga Vladimirovna. Dr. Sci. (History), a leading researcher at the Institute of Russian History RAS. Dmitria Ulyanova str. 19, 117036, Moscow, Russian Federation.

E-mail: 1808845@mail.ru

© **О.В. Новохатко**

Русская частная корреспонденция XVII в. в течение всего бытования русской исторической науки не была забыта отечественными учеными. Однако ее материалы использовались в основном для изучения экономических и отчасти социальных проблем отдельных хозяйств той эпохи (подробнее см. [4]).

Между тем, изучение российских эпистолярных материалов XVII века позволяет оценить русскую частную переписку указанного времени как отдельное социальное явление. Рассмотрим его на примере малого «сколка» – частной переписки архангельских воевод: думного дворянина, потом окольничего И.И. Чаадаева(1666-1670 гг.), боярина кн. И.А. Хованского (1676-1678 гг.) и его сына боярина кн. П.И. Хованского (1678-1680 гг.); следует отметить, что воеводы состояли в родстве – князь Петр Иванович был женат на племяннице И.И. Чаадаева. Эти письма, или как их называли в XVII в. грамотки, были опубликованы Г.Г. Лукьяновым в сборнике «Старина и новизна» [6].

В XVII в. частная переписка охватывала почти всю территорию страны. Естественно, центром, куда сходились многие «линии» корреспонденции, была Москва. Многие служилые люди думных и московских чинов, назначенные на городские воеводства, переписывались с оставшимися в столице родственниками, друзьями и знакомыми. Так, И.И. Чаадаев писал из Архангельска и Холмогор родственникам в Москву [6, С. 141-142, 167-172]; боярин кн. П.И. Хованский получал в Архангельске письма из Москвы от матери [6, С. 16-18], брата [6, С. 19-21], от приятелей и знакомых [6, С. 40-44]. Следует отметить, что расстояние между Архангельском и Москвой составляет более 1200 км.

Корреспонденция связывала не только Москву и провинцию, но и разные уезды и города между собой. Находясь в Архангельске, П.И. Хованский получал письма от своего отца, боярина кн. И.А. Хованского, жившего в своей вотчине, в селе Никольское Московского уезда [6, С. 15], от приятеля, стольника кн. Ф.Ю. Бярятинского, служившего в 1678 г. вторым воеводой большого полка в войске, выставленном против крымского хана, из-под Севска (около 2 000 км от Архангельска) [6, С. 41-42], от знакомого – вологодского воеводы стольника И.М. Колычева (почти 800 км от Архангельска) [6, С. 52-53] и др.

Подавляющее большинство писем служилых людей пересылалось с крепостными крестьянами или дворовыми холопами. Так, со своими людьми отправил грамотку кн. П.И. Хованскому в Архангельск вологодский воевода И. Колычев [6, С. 52-53]. Во всех случаях, когда одним из корреспондентов был человек, чей статус не позволял ему иметь своих крепостных людей (подьячие, иноземцы, торговые люди и т.п.), он

отправлял свои послания также с крестьянами или дворовыми служилых людей, своих адресатов. Например, ювелир А. Бутенап писал кн. П.И. Хованскому из Москвы в Архангельск с человеком князя, Ф. Козловым [6, С. 103].

Помимо специально, «нарочно», посланных курьеров, корреспонденты широко пользовались оказией. Нередко это были крестьяне знакомых, отправлявшиеся в нужном направлении, с которыми и передавали письма. И.И. Чаадаев в письме своей сестре А.И. Кафтыревой из Архангельска в Москву отметил: «А ся грамотка послана боярыни Анны Ильиничны с слугою с Иваном Шестаковым к Якову Павловичу» [6, С. 171-172].

Одним из нередких случаев оказии были, выражаясь современным языком, рекомендательные письма, которые вручал сам протееже. Чаще всего это были служилые люди и приказные подьячие, которые, отправляясь в город на воеводство или в приказную избу, заручались поддержкой родственников и знакомых своих будущих начальников. В посланиях своим близким покровители добавляли просьбу содействовать подателю письма. Например, И.И. Чаадаев писал кн. П.И. Хованскому из Москвы в Архангельск: «Прошу милости твоей, буди милостив к подьячему таможенному к Василью Митусову, который сю мою грамотку к тебе поднесет. ... А он, Василей, тебе, государю моему, во всяким делу пригодится» [6, С. 95-96].

Архангельск отличался от многих русских городов тем, что этот крупный торговый порт чаще других посещали представители непривилегированных социальных слоев – торговцы, посадские, иноземцы, служилые и неслужилые. Они, как и служилые люди по отечеству, также стремились обеспечить себе поддержку местных властей и привозили с собой «рекомендательные» письма. Так, близкий приятель кн. П.И. Хованского, боярин кн. И.А. Воротынский просил архангельского воеводу оказать покровительство сразу двум своим протееже, торговому иноземцу «Андрею Микулаеву сыну Минтеру» и своему крестнику, «полуполковнику Петру Нелушу» [6, С. 44]. Павел, игумен Костромского Богоявленского монастыря просил кн. П.И. Хованского за своего подопечного: «В нынешнем, государь, во 186 году августа в 11 день поехал костромитин посадской человек Григорей Бабин к городу Архангельску с красным своим товаром для промыслу своего, и

о чем у тебя, государя, станет милости просить, пожалуй, государь, для нашего прошения буди и к нему милостив, а он человек доброй и к дому святому радетель» [6, С. 75-76]. Стольник кн. П.С. Большой Прозоровский, воевода в Вятке в 1678 г., писал кн. П.И. Хованскому: «Прошу, государь, твоего приятства: как приедет на Колмыгоры или к Архангельскому городу вятчанин посадской человек Григорей Яковлев, пожалуй, князь Петр Ивановичь, буди к нему милосерд для моего прошения, а яз за твое жалованье воздатель» [6, С. 77].

В то же время, пересылка писем с оказией отнюдь не обязательно предполагала наличие «рекомендательного» письма: грамотки передавали со знакомыми, едущими по своим делам в то место, где находился адресат. Новгородский воевода боярин кн. Ю.М. Одоевский послал П.И. Хованскому письмо с торговыми посадскими людьми Каргополя, отправившимися в Архангельск по своим делам и с поручением от Одоевского [6, С. 75].

Притом, что наиболее активно пересылка писем осуществлялась с крепостными крестьянами или со знакомыми, в обмене частными письмами были задействованы и государственные средства связи, а именно правительственные курьеры, гонцы. Хотя возможность использовать их для отправления личных писем не была зафиксирована официально, этот способ пересылки не считался нелегитимным. Разумеется, такой возможностью располагали только представители высших чинов. И.И. Чаадаев отправил письмо сестре в Москву именно с такой правительственной оказией: «Послан от меня гонец пятидесятник Абрам Лисицын с нужными отписки в розные приказы, с ним же и сыск о князь Осипе». Ниже И.И. Чаадаев обещал написать подробнее с другим курьером: «А я сего ж числа поехал с Колмогор к Архангельскому, и на письмо не покручнись, писать ни о чем неколи. А от города от меня тотчас гонец будет, и о всем к тебе буду писать о твоих делах, и о Прасковьюшке, и к Михаилу Квашнину» [6, С. 167-168]. Будучи на воеводстве в Архангельске, кн. П.И. Хованский писал знакомому, окольным К.О. Хлопову в Каргополь со стрельцом С. Пошехоновым и с ним же получил ответ [6, С. 85-86].

Использование правительственных курьеров для пересылки личной корреспонденции было настолько обычным делом для представителей элиты, что они выражали

недовольство, если эта возможность не использовалась. Мать кн. П.И. Хованского писала сыну: «Да досадно мне, свет мой, на тебя и отцу, что ты к нам не пишешь ни о чем. Два гонца были от тебя, а ни одной грамотки от тебя не бывало» [6, С. 16-17]. На то же сетовал и брат Петра Ивановича, князь Андрей Иванович: «Гонцы, государь, от тебя пригоняют беспрестанно, а ты ко мне не пишешь, с чем ты их присылаешь. И ты, государь, изволь ко мне писать с чем пошлешь» [6, С. 19].

Говоря о пересылке грамоток с «частными» курьерами, следует упомянуть ее важную особенность – возможность дополнительно передать устное сообщение, что повышало гарантию конфиденциальности информации.

С наибольшей осторожностью корреспонденты относились к сведениям, касавшимся политических и международных дел. Так, окольный К.О. Хлопов писал из Москвы в Архангельск кн. П.И. Хованскому, который интересовался политическими новостями: «А вестей, государь, у нас много несладостных, пограничных и домашних, и о том к тебе, государю моему, писали брат твой, боярин князь Андрей Иванович, да дядя твой, окольный Иван Иванович, а я через их письма отписать к тебе, государю моему, опасся» [6, С. 89].

В рамках социальных коммуникаций в России XVII века частная переписка выполняла несколько функций. Самой простой, но очень важной была функция коммуникативная, так сказать, в чистом виде, или фатическая (от греческого *phanaí* – говорить, сказать; термин введен Б.К. Малиновским, британским антропологом, основателем функционализма в антропологии и социологии, в 30-х гг. XX в. применительно к одной из функций человеческой речи – устанавливать и поддерживать контакт). Фатическая переписка существовала только для поддержания связи, и, тем самым, сохранения единства какого-то круга, сообщества – семейного, дружеского, соседского, приятельского, делового (см., например, письма княгини И.Ф. Хованской, С. Борисова, М.О. Кровкова кн. П.И. Хованскому в Архангельск [6, С. 18, 43, 64]). Такие письма не содержали ничего, кроме приветствия адресату и сообщения о благополучии отправителя.

Само письмо воспринималось, таким образом, как дар и, по существовавшему обычаю, должно было соответственно компенсироваться. В этом отношении Россия XVII века проявляла те же социо-культурные особенности, что и другие

страны: восприятие письма как дара в системе обмена дарениями было общим для Европы и Азии в Раннее Новое время (например, во Франции [1; 2; 5], в Турции [3]).

В одной из грамоток ярко выражен смысл письма-дара: А.Г. Кровкова, жена генерала М.О. Кровкова, через письмо своей родственнице и подруге, кн. П.А. Хованской (бывшей с мужем, кн. П.И. Хованским в Архангельске) обращалась к няне: «Нянюшка, забыла ты меня, не пишешь про свое здоровье, пришли ко мне гостинцу!» [6, С. 129].

Не теряя функции фатического общения, переписка выполняла, разумеется, многие другие функции, прежде всего информационную.

На первом месте стояли семейные новости. Образ жизни служилых людей по отечеству в XVII в. отличался высокой мобильностью – они постоянно получали назначения на воеводства в города или в полки. Члены семьи подолгу не видели друг друга, и любая информация о родных была дорога и важна. Например, думный дворянин Б.В. Яковлев, воевода Шенкурска, сообщал в Москву кн. П.И. Хованскому о его отце, князе И.А. Хованском, бывшем тогда воеводой в Архангельске: «А батюшко твой, боярин князь Иван Андреевич, перед Масленицею в среду жаловал, у меня ужинал, а в четверг жаловал, обедал и того ж дни поехал из Шенкурского милостию Божией в добром здоровье. И я его из Шенкурского, государь, проводил верст с пять в добром же здоровье» [6, С. 98].

Кроме семейных новостей корреспонденты писали друг другу и о событиях, так сказать, общественных, происходивших вокруг них.

Особый интерес для москвичей, находившихся в полку или на городской воеводской службе, представляли новости из столицы. Довольно интенсивная переписка архангельского воеводы кн. П.И. Хованского с родными и знакомыми, оставшимися в Москве, создавала тесную связь между столицей и далеким северным портом, способствовала вовлеченности последнего в информационное поле и столицы, и всего государства. Так, в 1678 г. кн. И.А. Хованский писал сыну, кн. П.И. Хованскому, в Архангельск: «А на Москве по се время все благополучно, вестей ниоткуль неть, а впреть что учинитца, и тому время оказать» [6, С. 15].

Очевидно, что статус корреспондента определял и характер новостей, которые были ему интересны. Служилые

люди думных и московских чинов интересовались назначениями на высшие военные и административные посты. Кн. А.И. Хованский писал кн. П.И. Хованскому в Архангельск: «Да известно тебе, братец, буди: сказано боярамъ въ палате сидеть за расправными делами октября въ 18 день» – ниже автор письма привел перечень лиц, назначенных в палату, а также в приказы и на воеводство в Киев [6, С. 20-21].

Разумеется, уехавшие из Москвы были заинтересованы также в получении сведений о делах, так сказать, общегосударственного масштаба, особенно, если они непосредственно их затрагивали. В числе прочего к таким новостям относились и сведения о мероприятиях правительства в сфере служилого землевладения и владения крестьянами. Приказчик московского двора боярина кн. П.И. Хованского, Д. Козлов, писал господину в Архангельск: «Да слух, государь, поносится: с поместей и с вотчин с крестьянских и с бобыльских с двадцати с пяти дворов даточные конные будут. Только, государь, еще подлиннаго указу нет и не положено затем, что переписчики с городов и из уездов к Москве не бывали, посылают по них» [6, С. 107].

Служилые люди, особенно высших чинов, проявляли внимание и к международным событиям, тем более, что зачастую это касалось их близких.

В 1678 году кн. Ф.Ю. Барятинский извещал П.И. Хованского: «Да московских вестей, князь Петръ Ивановичъ: Чигиринъ турки взяли; князь Григорей нынеча службу худо показаль, и хвалиться на него ни изъ какихъ людей нетъ; да турки жъ взяли Каневъ, а Корсунь сдался, а идуть под Киевъ, и только подъ Киевъ придуть, такъ де слава возьмутъ, только объ ратехъ здесь мало добра» [6, С. 40]. Он же уведомлял князя в другом письме: «Писаль ты ко мне, князь Петръ Ивановичъ, чтобъ тебе отписать московских вестей. И московских вестей: боярамъ и воеводам сказали: въ большомъ полку – бояринъ князь Михайла Алегуковичъ Черкасской, товарищъ ему князь Михайла Юрьевичъ Долгорукой, а третьему еще не сказано; съ Новгородскимъ полкомъ – батюшка твой, бояринъ князь Иванъ Андреевичъ, товарищъ ему Иванъ Савастъеновичъ Хитрой, а третей Веденихтъ Хитрой» [6, С. 41].

Разумеется, функции переписки XVII в. далеко не исчерпывались фатической и информационной. В эту эпоху корреспонденция была единственным средством связи, поэтому

через ее посредство решались все вопросы, возникавшие в жизни людей – семейные, хозяйственные, деловые, финансовые, судебные.

Как отмечалось, в России XVII в. мобильность большей части русского общества была весьма велика, а потому члены семьи, родственники часто оказывались в долгой разлуке друг с другом. Эти факторы способствовали тому, что переписка, являясь единственным в ту эпоху средством связи, приобретала еще более важную роль для решения семейных дел.

При всей прагматичности корреспонденции XVII века одной из главных ее функций было поддержание эмоциональной связи между близкими людьми. Во множестве грамоток выражается желание увидеться, поделиться с близкими своими проблемами. Жена генерала М.О. Кровкова писала перед вторым Чигиринским походом из Москвы кн. П.А. Хованской в Архангельск: «А Матвея Осиповича посылают на службу, не может отбиться. От своей волокиты печаль сердце выела, одва живы с печали. ... Не могу ничего от печали своей написать. Хошь бы на час свиделась с тобою и всею свою печаль поведала! И я не чаю с тобою видеться в дальном разстоянье!» [6, С. 134].

Даже в час самых горьких испытаний близкие зачастую могли высказать слова сочувствия и утешения только в письме. И.И. Чаадаев, будучи на воеводстве в Архангельске, писал в Москву своей племяннице П.А. Кафтыревой, оставшейся сиротой после смерти матери (родной сестры И.И. Чаадаева): «Пиши, моя свет, ко мне о своем здоровье, а о матери своей печалься с разсуждением, воле праведной Божьи не противься. ... Милость свою к матери своей покажи, не забудь, душу ея поминай, не пожалей за душу дать: Бог во всем исполнит и не оставит тебя» [6, С. 141].

Выше отмечалось, что в России XVII века (как и в Европе и некоторых азиатских странах) частные письма воспринимались как часть системы дарений. Акту обмена придавалось значение ритуального действия, символизировавшего связи между людьми – родственные, дружеские, деловые. Содержание писем даже близких родственников и друзей зачастую составляли только просьбы и поручения, но это воспринималось не как корыстность или эмоциональная глухота, а как возможность на деле проявить

связывавшие корреспондентов чувства, что, собственно, было единственным способом при невозможности личного общения.

Одним из самых очевидных проявлений функционирования «экономии обмена» был обмен подарками в узком смысле этого слова – вещами, продуктами: чаще всего к письму прилагался гостинец или посланный гостинец сопровождался письмом. Подарками, как и письмами, следовало отдариваться, это было знаком вежливости и расположения, неписанным правилом системы дарений. Так, сестра кн. П.И. Хованского княжна Аксинья Ивановна писала его жене: «Да челомъ бью, государыня моя невестушка княгиня Парасковья Андреевна, на гостинцахъ. ... Да челомъ бью тебе, надежа моя невестушка, гостинцомъ со государьской радости коврижками сахарными; а светомъ моимъ послала Андрюшеньке и Наташеньке восемь игрушечекъ сахарныхъ. И штобы тебе, свету моему, коврижки кушать на здоровье, а имъ бы тешиться на здоровье. Не покручинься, надежа моя, что немного» [6, С. 119].

Другой формой, в которой проявлялась система дарений, было оказание членам семьи, знакомым самого разного рода услуг. О них не стеснялись просить – это не воспринималось как отсутствие учтивости. Напротив, просьба об оказании услуги выглядела как подтверждение близких, неформальных отношений. Корреспонденты даже настаивали, чтобы знакомые или родственники не смущались просить об одолжении. А.Г. Кровкова писала кн. П.А. Хованской в Архангельск: «Будет вамъ подубрусники и подзатыльники надобно, и вы не плоштесь, извольте прислать денегъ. Я велю купить тафты всякихъ цветовъ и настегать подубрусничковъ хорошихъ, колько надобно, изволь отписать. ... Не плошсь, матушка, будетъ годно, изволь отписать и деньги прислать; и покаместъ я жива, и она [мастерица] не извелась, и я прикажу построить» [6, С. 127-128].

Особенно часто корреспонденты обращались в письмах друг к другу за помощью в покупке разного рода товаров. Уехавшие из столицы просили купить нужные вещи в Москве, бывшей одним из крупнейших ремесленных и торговых центров страны. В частности, в Москве был богатый выбор книг, поэтому, например, воевода Архангельска И.И. Чаадаев писал А.И. Кафтыревой: «Да будет тебе, сестрица, станет говорить о деньгах Иван Песков или Василей Ботвиньев на мою покупку на

книги, пожалуй, государыня, дай им денег, будет мои есть, а будет нет, и ты своих дай» [6, С. 170].

Особое значение имел Архангельск, как порт, связывавший Россию с Западной Европой. Поэтому в письмах к людям, посещавшим Архангельск или служившим в городе, почти всегда содержалась просьба что-либо купить. В бытность воеводой в этом городе кн. П.И. Хованский получал немало таких писем от родных и знакомых. Кн. И. Кольцов-Мосальский писал: «Прикажи купить пуд блюд белых да двадцать торелей, да два оловеника середних» [6, С. 54]. И.И. Чаадаев просил приобрести для него драгоценные камни. «Пожалуй, государыня Андреевна, – обращался он к своей племяннице, жене П.И. Хованского, – не презри моего челобитья, велите мне купить камышки обои, а я на вашу милость надежен, а мне зело они нужны» [6, С. 92].

Очевидно, ювелирные изделия западноевропейского производства пользовались большим спросом у русской элиты, потому что кн. П.А. Хованская сообщала своей родственнице из Архангельска: «А запаны, государыня, в те деньги не нашли купить, в которыя ты деньги ко мне писала. ... Князь Петр Иванович, государыня, нарочно приказывал за море, на лето велел вывезть запаны, и ты ко мне изволь отписать, будет изволишь против прежняго письма купить, и будет по твоим деньгам такая вывезут, и я, будет жива буду, и я конешно тебе, сестрица, куплю» [6, С. 139].

По переписке люди договаривались и о даче денег в долг и о выплате этих долгов. В письме из Москвы в Архангельск М.О. Кровков просил своего родственника и покровителя кн. П.И. Хованского: «Да прошу твоей государевы милости, умилосердись пожалуй, изволь прислать деньженки мои заемныя. К сроку не изволил пожаловать прислать, а у меня двор в том пропадает: отнимают» [6, С. 59].

Взаимные денежные перерасчеты были постоянной составляющей корреспонденции. И.И. Чаадаев сообщал из Москвы в Архангельск кн. П.И. Хованскому о получении денег в долг от него и об уплате налогов с вотчины П.И. Хованского, которую, в свою очередь, произвел из своих средств И.И. Чаадаев [6, С. 91].

Одной из самых частых просьб, которые встречаются в переписке, была просьба о поиске и задержании беглых крестьян и холопов. Служба в разных областях страны и

широкий разброс землевладений по уездам делали для служилых людей переписку важным (а иногда единственным) способом управления поместным и вотчинным хозяйством, в том числе в отношении контроля за подвластным населением. Эти же обстоятельства, при родственных и приятельских связях служилых людей думных и московских чинов, облегчали им поиск и поимку их беглых людей. Архангельский воевода И.И. Чаадаев писал своей сестре в Тюмень, где она оставалась после смерти своего мужа, воеводы А.В. Кафтырева (1666-1670 гг.): «Да писала ты ко мне, что от тебя побежали робята, Мартинов сын да Гаврилов, а чаешь их к Соловкам, что у Гаврилова сына Мишки есть дядя в монастыре в Соловецком, да и Безсонова сына чаешь там же. И я об них заказал, и стерегли люди мои и ныне стерегут; да не угадать, государыня сестрица, много проезду, да и мимо мочно обойти. И ты ко мне отпиши, будет ведомо тебе, как дядю Мишкина зовут? И будет они и утаясь пройдут, и потому мне мочно их провести в Соловецком монастыре, есть кем, будет они у них объявятся, и ведать мочно, только б имя знать дяди» [6, С. 169].

Те же факторы, которые заставляли служилых людей XVII века вести по переписке хозяйственные дела, способствовали и ведению с помощью писем дел судебных. У большинства служилых людей были в Москве свои приказчики-стряпчие, чьей обязанностью было ведение судебных дел своих господ в приказах. Именно поэтому служилый человек часто мог направлять ход дела по переписке из своего владения или места службы. Например, И.И. Чаадаев писал из Архангельска, где был на воеводстве, А.И. Кафтыревой в Москву с изложением и инструкциями о ведении своего судебного дела: «Да писали ко мне Иван Песков и человек мой Федька, что Роман Боборыкин ныне бьет челом на меня в человеке в Костьке о суде и порутчиков таскает, и суд де ему указан дать, а Федор Михайлович взял о том челобитенку, а указу еще не учинено, а с чем итти в суд, того никто не ведает. И я о том писал к Якову Павловичу и к Василью Никитичу Панину и к Ивану Пескову, будет не дадут сроку до Ивана Александровича, а миновать нельзя, – и я писал, чтоб Василей Никитич шел с ним в суд или человеку своему велел, а с чем итти в суд, и я к нему писал, чтоб о том письмо у тебя взял, а к тебе я о том с сею грамоткою послал письмо, по чему мне он крепок и по чему Роману до него

дела нет, и список с вотчинной закладной, что Роман мне дал» [6, С. 169-170].

Подводя итог, можно сказать, что, частная корреспонденция в России XVII века являлась не только необходимым способом, но одной из важнейших форм осуществления социумом всех его функций – финансовых, экономических, юридических и административных, установления и сохранения семейных и дружеских связей.

Список литературы и источников

1. Bray B. Epistoliers de l'âge classique. L'art de la correspondance chez Madame de Sevigné et quelques predecesseurs, contemporains et héritiers. Tubingen: Gunter Narr Verlag, 2007. 504 p.

2. Davies N. Z. The Gift in Sixteenth-Century France. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000. 298 p.

3. Woodhead Christine. Circles of Correspondence: Ottoman letter-writing in the early seventeenth century // Journal of Turkish Literature 4 (2007), 53-68.

4. Новохатко О.В. Очерки историографии частной корреспонденции XVII в. // Российская история. 2017. № 2. С. 201-218.

5. Стогова А.В. Respublica Literaria XVII века как сообщество корреспондентов (по письмам Ги Патена) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 60-89.

6. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Кн.10. М., 1905. С. 14-182.